

Алиева Эльвира Низамиевна

ВЫРАЖЕНИЕ ЗАПРЕТИТЕЛЬНОЙ СЕМАТИКИ В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ И АНГЛИЙСКИМ (К ВОПРОСУ О ЗАПРЕТИТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ)

В статье рассматривается форма с запретительным значением в лезгинском языке. Здесь определены языковые факты, для которых предложены более точные или новые интерпретации. Например, есть основание считать форму -мир самостоятельным наклонением в лезгинском языке, хотя эта единица и может быть объединена с собственно повелительным наклонением в группу форм побудительной семантики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/9-1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 26-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE PECULIARITIES OF LEXICAL AND SEMANTIC COMPETENCES OF CHILDREN FROM THE FAMILIES WITH HIGH AND LOWERED SPEECH CULTURE

Aksarina Natal'ya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Tyumen State University
ctvfynbr@yandex.ru

The article is devoted to the comparative description of the peculiarities of lexical and semantic skills of students of the basic comprehensive school. The differences in the mechanism of contextual decoding of meaning of familiar, partly familiar and unfamiliar words of schoolchildren from the families with high and lowered speech culture are comprehended.

Key words and phrases: level of speech culture of the individual; lexical and semantic competences; decoding; semantization; speech experience.

УДК 811.351.32

Филологические науки

В статье рассматривается форма с запретительным значением в лезгинском языке. Здесь определены языковые факты, для которых предложены более точные или новые интерпретации. Например, есть основание считать форму -мир самостоятельным наклонением в лезгинском языке, хотя эта единица и может быть объединена с собственно повелительным наклонением в группу форм побудительной семантики.

Ключевые слова и фразы: запретительная семантика; повелительное наклонение; языковая единица; форма 2 лица ед. ч.; инвариантное значение.

Алиева Эльвира Низамиевна, д. филол. наук
Московский городской психолого-педагогический университет
lingvamiер@mail.ru

ВЫРАЖЕНИЕ ЗАПРЕТИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ И АНГЛИЙСКИМ (К ВОПРОСУ О ЗАПРЕТИТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ)[©]

Самым непосредственным, прямым вариантом волеизъявления является значение побуждения к действию. Для побуждения, обращенного непосредственно к исполнителю действия, существуют специальные формы повелительного наклонения (или *императива*) – формы 2 лица: в русском языке – ед. и мн. чисел, а в лезгинском и английском – не различающие числа. Степень категоричности может варьировать от приказа и до совета и просьбы в зависимости от контекста и ситуации. Несмотря на всё разнообразие значений, возникающих в различных употреблениях этих форм повелительного наклонения, для их обособления определяющим является значение 2 лица, т.е. инвариантное значение непосредственной обращенности к собеседнику, побуждаемому к действию.

Однако значения форм 2 лица повелительного наклонения заслуживают особого внимания, поскольку их возможности в выражении различных оттенков модальной семантики очень разнообразны. Например, *Шнуровку отпусти вольнее, виски ей уксусом потри, опрыскивай водой* [3, с. 25]! Кроме этих форм, для выражения различных оттенков побуждения могут использоваться и другие глагольные единицы. 1) Форма первого лица множественного числа настоящего (будущего) времени может выражать приглашение к совместному совершению данного действия: *Ну, давайте пожмем друг другу руки и разойдемся друзьями* [16, с. 65]! 2) Инфинитив может употребляться для выражения категорического приказания: *Пушку осмотри да хорошенько вычисти* [13, с. 20]! Близким к такому значению является употребление лезгинской формы будущего времени изъявительного наклонения, например: *Вуна къапар чухъуда, вуна къвалер иткиди!* / Ты посуду **помоешь**, ты **подметёшь** полы! (*здесь и далее примеры на лезгинском языке и их переводы – Э. А.*), а в английском – введение подлежащего *you* (*You sit and listen!* / А ну садись и послушай!) и вспомогательного глагола *to do* (*Do go away!* / Да иди же ты) (*здесь и далее английские примеры составлены автором статьи*). 3) Форма сослагательного наклонения может выражать совет, пожелание: *Ты бы ложилась, ня-нечка* [16, с. 6]. Аналогично может употребляться и близкая по содержанию форма лезгинского языка, например: *Вуна ял къван ягънайт!а / Ты хоть отдохнул бы* и английского *You would better have some rest*.

Интерес представляют случаи выражения побудительной интенции в английском и русском языках посредством безглагольных типов повелительных предложений: *Attention, please!* / Внимание! *Hands up!* / Руки вверх! *Waiter, tea, please!* / Официант, чай, пожалуйста! и т.п. В предложениях данного типа оттенок побуждения модифицируется интонацией и варьируется от категоричного требования до мягкой просьбы. В лезгинском языке аналогичных примеров выражения побуждения нет.

Формы повелительного наклонения часто употребляются в сопровождении различных модальных частиц, создающих те или иные оттенки побудительного значения: *смотри, давай, -ка* и др.: *Парень, слушай-ка, что я тебе скажу* [4, с. 32]... В лезгинском языке также могут использоваться в сочетании с формами императива различные частицы, добавляющие экспрессивные оттенки к основному побудительному содержанию глагольной формы. Ср.: *Килига!* / *Смотри/посмотри!* / *Look/Watch*; *Килига кван!* / *Ну-ка, посмотри!* / *You watch!* *Килига ман!* / *Ну, смотри же!* / *Do watch!*; *Килига т!ун!* / *Да посмотри же (наконец)!* / *You do watch!*

Предложения с формами повелительного наклонения приобретают различные оттенки значения, которые дифференцируются в зависимости от характера детерминирующего фактора. Так, повелительное наклонение может выражать: 1) вынужденность, обусловленную ситуацией: *Вы не платите, а я за вас отвечаю* [16, с. 21]? Аналогичного употребления форм повелительного наклонения в лезгинском и английском языках не наблюдается; 2) вынужденность в силу принадлежности к определённому функциональному множеству: *Я не люблю московской жизни. Здесь живи не как хочешь, а как тётки хотят* [11, с. 172]. Не встречается в лезгинском и английском языках и такое употребление форм повелительного наклонения; 3) вынужденность, обусловленная привычным положением вещей и социальными нормами: *Я сама к вам приду. – Нет, это не годится – вам ходить. Я ученик, я и хожу* [9, с. 243]. И этот тип употребления форм повелительного наклонения русского языка не встречается в лезгинском и английском. В 1, 2 и 3 случаях обозначается вынужденное действие. В лезгинском и английском языках в аналогичных функциях формы повелительного наклонения не встречаются; 4) приказ: *Иди, – сказал Рашид. – И с этой минуты забудь, как меня зовут* [7, с. 19]!; предупреждение, инструкцию: *Не влезай – убьёт!*; *Не уверен – не обзояй!* Сравните английские вывески: *No smoking!* / *Не курить!* *No exit!* / *Нет выхода!* и т.д. Таких вывесок-предупреждений на лезгинском языке мы не встречали. Но в принципе в аналогичных случаях и в лезгинском языке будет употребляться форма повелительного наклонения. Это употребление близко к основному назначению форм этого наклонения. Только формам с отрицанием (*не влезай*), выражающим так называемое «обратное побуждение», в лезгинском языке соответствует специальная форма. 5) побуждение: *Иди, а то проснутся эти твои* [18, с. 6]...; 6) просьбу: *Если ты электротехник, замени, будь любезен, пробку, я хочу умереть на свету* [12, с. 466]; 7) разрешение: *Можно я себе малость отсыплю табаку? – Отсыпь* [18, с. 9]; *Работайте, работайте, – сказал Рашид. – Я ведь на минутку. Пойду* [7, с. 13]; 8) совет: *Только добрайся лучше самолётом – это дешевле станет* [18, с. 10]. Высказывания с формами повелительного наклонения при выражении совета обычно содержат указания на целесообразность предлагаемого действия, выраженные в ближайшем или широком контексте. В зависимости от вида глагола совет может относиться к конкретной ситуации или иметь более обобщенное значение: *Ну, похмелись тогда, чего так мучиться-то* [Там же, с. 14]?; 9) приглашение: *Приходите вечером, телевизор посмотрим* [7, с. 16].

Мы привели здесь разные варианты употребления форм повелительного наклонения русского языка для того, чтобы наблюдать возможность передачи этих значений в лезгинском языке какими-либо специализированными формами. В первых трёх случаях повелительное наклонение русского языка употребляется в несобственных функциях, т.е. в переносном значении. Формы повелительного наклонения лезгинского и английского языков в таких употреблениях не встречаются. Остальные значения не выходят за рамки основного, прямого значения повелительного наклонения и являются лишь его вариантами. Такие основные значения, в целом, совпадают в лезгинском, английском и русском языках.

Специализированной формой обозначается в лезгинском языке побуждение не совершать действие, которое передаётся в русском языке добавлением к формам повелительного наклонения отрицательной частицы *не*, а в английском – вспомогательным глаголом *do* и отрицательной частицы *not* (*don't*). Кроме того, в русской разговорной речи «побуждение к запрещаемому», или так называемое «обратное побуждение», выражается переносным употреблением форм повелительного наклонения глаголов совершенного вида. Такие высказывания имеют оттенок угрозы, типа «*Попробуй только!*». Например: *Поговори мне ещё!* (= *Замолчи!*); *Попадись мне только!* (= *Не попадайся!*). В английском – подобного выражения оттенка угрозы мы не наблюдали.

В лезгинском языке такое употребление повелительного наклонения отсутствует по причине представленности этих значений формой *запретительного наклонения*. В исследовании М. Хаспельмата [21, р. 120] эта форма названа *прохитивом* (<англ. prohibitive «запретительный»). Имеется в виду глагольная форма с аффиксом *-мир* и корневой морфемой, совпадающей с корнем деепричастия несовершенного вида (целевой формы): *хъуьре-з* «смеяться» – *хъуьре-мир* «не смейся», *кхьы-з* «писать» – *кхьы-мир* «не пиши». *Ша фимир, яр вун паталди, сабур ая, кьвер гаталди* [Там же, р. 59] / **Не выходи**, возлюбленная, за другого, потерпи до следующего лета.

В исследованиях по лезгинскому языку эту единицу трактуют по-разному: как запретительную форму [6; 14], как одну из форм повелительного наклонения [10, с. 282-297], в работе Р. И. Гайдарова [2] она также не включена в число наклонений, в монографии Э. М. Шейхова [17, с. 174-175] она рассматривается как форма выражения отрицания в рамках повелительного наклонения. В последней работе говорится, что «причиной квалификации перечисленных форм выражения модальности (в том числе и обсуждаемая единица [5]) в качестве глагольных наклонений послужил тот факт, что названные формы имеют собственные морфологические показатели с закреплёнными за ними соответствующими значениями» [Там же, с. 175].

Однако, на наш взгляд, такая причина может быть достаточной для квалификации морфологической единицы модального содержания в качестве наклонения, поскольку признаётся наличие собственного показателя и закреплённого за этим показателем значения. Другой вопрос, является ли это значение изменяющим модальное содержание формы. Например, отрицание в формах изъявительного наклонения не изменяет её модального содержания по линии реальность – ирреальность: *кхьена* «написал» – *кхьенач* (< *кхьена* + *ч*

«написал + не») «не написал»; *кхьида* «напишу/буду писать» – *кхьидач* «не напишу/не буду писать», *кхьизва* «пишет» – *кхьизвач* «не пишет» и др. В этом случае формы без отрицания и формы с отрицанием обе обозначают реальный факт: в первом случае реальностью является то, что действие имело, имеет или будет иметь место, во втором – то, что оно не имело, не имеет или не будет иметь место. Сами отрицательные формы выступают в содержательном и в формальном планах как связанные отношением деривации, производности отрицательной формы от положительной. Значение времени форм изъявительного наклонения при этом также сохраняется, что свидетельствует и о сохранении реального статуса обозначаемого факта.

Аналогичным образом, как производные от положительных форм, образуются отрицательные формы повелительного наклонения в русском и английском языках (*пиши* – *не пиши* / *write* – *don't write*). Иначе обстоит дело с обсуждаемыми формами с запретительной семантикой лезгинского глагола. Во-первых, они не являются производными от форм повелительного наклонения в формальном отношении. В формах со значением реальности действия отрицание выражается аффиксом *-ч*, добавляемым к положительной форме. Такие отрицательные формы находятся в отношении морфологической производности от положительных форм. Обсуждаемые формы с запретительной семантикой образуются другим, специальным аффиксом *-мир*, не прибавляемым к форме повелительного наклонения, а сочетающимся непосредственно с корневой морфемой.

У форм повелительного наклонения и обсуждаемых форм с аффиксом *-мир* не совпадают и корневые морфемы. В формальном плане они образуются совершенно по-разному. Ср.: *тур* «оставь» – *тамир* «не оставляй», *цуз* «налей/наливай» – *цамир* «не наливай»; *ая* «делай/сделай» – *иймир* «не делай», *вач* «иди» – *фимир* «не ходи», *ша* «приходи» – *къвемир* «не приходи» и др. Повелительное наклонение имеет множество различных форм. В исследованиях Б. Б. Талибова [14, с. 572-573] приводятся шесть различных формальных способов образования форм 2 лица повелительного наклонения. Среди них очень продуктивны формы, образованные редупликацией корневых согласных, супплетивизмом, формы, равные только корню, образованные аффиксально, причём аффиксы эти самые разные. Обсуждаемые же формы запретительного наклонения единообразны – они состоят из корневой морфемы, материально совпадающей с корнем деепричастия несовершенного вида (целевой формы) и не имеющего вариантов аффикса *-мир*. В формальном плане, таким образом, повелительное и запретительное наклонения лезгинского глагола никак между собой не связаны. Эти грамматические единицы находятся между собой в отношениях альтернативности и не возводимы друг к другу.

Альтернативными являются они, на наш взгляд, и в содержательном плане. В лезгинском языке значение запрета не выражается в виде повеления не совершать действие, как в русском языке, а оформляется самостоятельно, хотя повелительная и запретительная семантика и имеют общий компонент содержания – побудительное значение. Если применить методику представления оппозиций Н. С. Трубецкого (в фонологии) [15] и Р. О. Якобсона (в грамматике) [20], то соотношение положительных и отрицательных форм повелительного наклонения русского языка можно изобразить как оппозицию «*A* – *не A*», а соотношение форм повелительного и запретительного наклонений лезгинского языка как оппозицию «*A* – *B*», где каждый член оппозиции представляет собой форму, самостоятельную в формальном и содержательном отношении.

Таким образом, в лезгинском языке форма с аффиксом *-мир* является самостоятельной в формальном и содержательном планах единицей, а не отрицательной формой повелительного наклонения. Поэтому считаем, что нет препятствий к определению её как формы запретительного наклонения (прохибитива). Содержанием запретительного наклонения является модальное значение нежелательности осуществления действия, побуждение не совершать его.

Морфологических форм выражения модальности побуждения в лезгинском, как видим, больше, чем в русском и английском языках. При этом большая специализация касается самих разновидностей модальной семантики, а не отнесенности действия к лицу.

Список литературы

1. Алиева Э. Н. Модальность изъявительного наклонения (будущее время) в лезгинском языке в сопоставлении с русским и английским // Научное мнение. 2013. № 4. С. 28-33.
2. Гайдаров Р. И. Морфология лезгинского языка: учебное пособие. Махачкала: Дагучпедгиз, 1987. 217 с.
3. Грибоедов А. С. Горе от ума. Библиотечка школьника. М.: Искатель Пресс, 2014. 94 с.
4. Горький М. На дне. М.: Детская литература, 1981. 64 с.
5. Девришбекова Э. Н. Модальность и наклонение в лезгинском языке в сопоставлении с русским: дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2003. 24 с.
6. Жирков Л. И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала: Даггосиз-дат, 1941. 131 с.
7. Ибрагимбеков М. Прилетела сова. М.: Детская литература, 1990. 216 с.
8. Керимов К. Р. Концептуализация компаративной семантики, альтернативная категории степеней сравнения // European Social Science Journal. 2013. Т. 2. № 9. С. 217-224.
9. Кочетов В. А. Журбины. М.: Вече, 2011. 448 с.
10. Мейланова У. А. Об отражении категории класса в именах существительных дагестанских языков // Уч. зап. ИИЯЛ. Сер. филол. Махачкала, 1967. Т. XIII. С. 282-297.
11. Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. Неизвестные письма / ред. и автор вступ. статьи Д. Д. Благой. М.: Советская Россия, 1980. 384 с.
12. Панова В. Ф. Времена года. Романы и рассказы. М.: Советский писатель, 1983. 576 с.
13. Пушкин А. С. Капитанская дочка. Внеклассное чтение. М.: АСТ, 2008. 384 с.
14. Талибов Б. Б., Гаджиев М. Грамматический очерк лезгинского языка // Лезгинско-русский словарь. М.: Дагестанский филиал академии наук СССР Институт истории, языка и литературы, 1964. С. 538-602.

15. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Аспект-пресс, 2000. 352 с.
16. Чехов А. П. Чайка. Дядя Ваня. Три сестры. Вишневы сад. Внеклассное чтение. М.: АСТ, 2010. 288 с.
17. Шейхов Э. М. Сравнительная типология лезгинского и русского языков: Морфология. Махачкала: ДНЦ РАН, 1993. 262 с.
18. Шукшин В. М. Охота жить. Рассказы. М.: Детская литература, 1973. 223 с.
19. Эмин Е. Шиирар. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1960. 98 с.
20. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / сост. О. Г. Ревзина. М.: Наука, 1972. С. 95-113.
21. Haspelmath M. A. The Grammar of Lezgian. В. – N. Y.: Mouton de Gruiter, 1991. 535 p.

EXPRESSING PROHIBITIVE SEMANTICS IN THE LEZGIAN LANGUAGE IN COMPARISON WITH THE RUSSIAN AND ENGLISH (ON THE PROBLEM OF PROHIBITIVE MOOD)

Alieva El'vira Nizamievna, Doctor in Philology
Moscow City University of Psychology and Education
lingvamiel@mail.ru

The article examines the form with the prohibitive meaning in the Lezgian language. The author identifies language facts for which she introduces more accurate or new interpretations. For example, there is a reason to consider the form *-mip* as an independent mood in the Lezgian language, though this unit can be combined with the proper imperative mood into the group of forms of incentive semantics.

Key words and phrases: prohibitive semantics; imperative mood; linguistic unit; the 2nd Person Singular form; invariant meaning.

УДК 81'367.628

Филологические науки

В статье в сопоставительном аспекте рассматриваются структурно-семантические модели и семантические оппозиции англоязычных терминов сфер нанотехнологий и газодобычи. Основное внимание уделяется выявлению общих и дифференциальных признаков фундаментальных и прикладных терминосистем с точки зрения особенностей семантики составляющих их терминологических единиц. Авторы изучают взаимосвязь структурных и семантических моделей терминов рассматриваемых сфер, выявляя при этом различия в структурной и семантической дистрибуции терминоэлементов в составе терминов исследуемых сфер.

Ключевые слова и фразы: термин; терминология; прикладная терминосистема; фундаментальная терминосистема; семантика; семантическая оппозиция; терминоэлемент; нанотехнологии; газодобыча.

Андриевская Валерия Юрьевна

Докуто Божена Борисовна, к. филол. н., доцент

Пятигорский государственный лингвистический университет (филиал) в г. Новороссийске
nf-pglu2005@yandex.ru; nf-pglu2005@yandex.ru

Раздудев Алексей Валерьевич, к. филол. н., доцент

Пятигорский государственный лингвистический университет
arazdudiev@bk.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ТЕРМИНОЕДИНИЦ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОСИСТЕМ НАНОТЕХНОЛОГИЙ И ГАЗОДОБЫЧИ)[©]

Публикация выполнена в рамках проекта «Когниолингвистическое и лексикографическое моделирование фрагментов прикладной и фундаментальной научной картины мира (русский и английский языки)» в соответствии с Государственным заданием Министерства образования и науки РФ ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» на 2014-2016 гг. (руководитель проекта – доктор филологических наук, профессор О. А. Алимуратов).

Изучение терминологии включает в себя анализ различных аспектов, включая семантику терминологических единиц [6; 7]. По данным ранее проведенных исследований англоязычных терминов сфер нанотехнологий и газодобычи выявлено, что одним из частотных способов образования терминологических единиц являются различного рода семантические изменения, т.е. трансформации значений ранее существовавших в языке слов. К основным трансформациям такого рода можно отнести заимствования из естественного языка, сопровождаемые терминологизацией, расширением и сужением значения; метафорический и метонимический перенос и транстерминологизацию.

[©] Андриевская В. Ю., Докуто Б. Б., Раздудев А. В., 2015